

УДК 159.9.072.59

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-1-92-101

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ «ВОПРОСНИКА БОЛЬШОЙ ПЯТЕРКИ» (BIG FIVE INVENTORY) ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОДРОСТКОВ

Мишкевич Арина Михайловна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

На выборке подростков апробировалась русскоязычная версия «Вопросника Большой Пятерки» («Big Five Inventory», BFI; John et al., 1991, 2008). По результатам фокус-группы один пункт BFI был изменен. BFI показал высокую внутреннюю согласованность. Шкалы нейротизма в тесте Айзенка и BFI сильно коррелировали между собой, так же, как и шкалы экстраверсии данных методик, что свидетельствует о конвергентной валидности. Внутренняя структура шкал BFI, объяснившая 61 % дисперсии, согласуется с теоретическими положениями модели стабильности/пластичности, что подтверждает конструктивную валидность вопросника.

Ключевые слова: личностные черты; Большая Пятерка; подростковый возраст; стабильность/пластичность.

USING THE RUSSIAN VERSION OF THE BFI IN THE STUDY OF ADOLESCENTS

Arina M. Mishkevich

Perm State University

This study aims to test a Russian version of the Big Five Inventory (BFI; John et al., 1991, 2008) using a sample of Russian adolescents. To this purpose a focus-group was performed. Prior to the data gathering, one item had been modified given a teenager focus group discussion. Internal consistency of the BFI subscales was acceptable. Extraversion measured with BFI correlated positively with extraversion measured with Eysenck Personality Inventory (EPI). Neuroticism measured with BFI similarly correlated with Neuroticism measured with EPI. These results provide evidence of convergent validity of the Russian BFI. The factor structure of its subscales was consistent with the Stability/Plasticity model (DeYoung et al., 2002). The BFI subscales explained 61 % of variance. These findings further support construct validity of the Russian BFI.

Key words: personality traits; Big Five; adolescents; stability/plasticity.

В последние десятилетия наблюдается рост интереса научного сообщества к пятифакторной модели личности. В рамках этой модели активно разрабатывается направление исследования личности детей и подростков [5, 25, 40]. В то же время, несмотря на наличие некоторого количества опросников, разработанных специально для подростков, исследователи зачастую используют «взрослые» методики. При этом в исследованиях, как правило, не проверяется валидность данных методик на выборке подростков.

На русский язык переведены несколько методик исследования пятифакторной структуры черт

личности [5, 7, 11]. В частности, переведен и адаптирован [12, 39] «Big Five Inventory» (BFI [26]) — один из наиболее используемых опросников. Несмотря на то что оригинал методики применяется, в частности, на подростках (см., напр., [25, 30, 42]), нет данных о возможности применения русскоязычного варианта методики на данной популяции.

Пятифакторная модель черт личности

Исторически одним из главных вопросов психологии был вопрос о структуре личности [26]. Существует множество подходов, пытающихся дать от-

вет на этот вопрос. Один из них — диспозиционный, который рассматривает личность как структуру, состоящую из разноуровневых черт. Черта определяется авторами как предрасположенность вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций [9]. Одной из наиболее авторитетных моделей в рамках этого направления является «Большая Пятёрка», выделяющая в структуре личности пять факторов [26]: экстраверсию (extraversion), доброжелательность (agreeableness), добросовестность (conscientiousness), нейротизм (neuroticism), открытость к опыту (openness to experience). Данная теория основана на лексическом подходе, утверждающем, что основные особенности личности можно обнаружить в языке. Изначально авторами были выделены черты личности в рамках английского языка.

Впервые пятифакторная структура личности была получена Фиске на основе результатов исследования Кеттела в 1949 г. В конце 1950-х попытку повторить результаты Кеттела сделали Тьюпс и Кристал (цит. по: [21]). Им также не удалось воспроизвести структуру личности, состоящую из 16 факторов, зато они вновь получили 5 факторов. Впоследствии, на основе данных Кеттела, ещё несколько ученых, таких как Боргатта и Смит, подтвердили пятифакторную структуру личности (цит. по: [21]). Норман в 1963 г. идентифицировал именно данные пять факторов [8]. Впервые понятие «Big Five» («Большая Пятёрка») употребил Голдберг в 1981 г. [22].

Данная структура не подразумевает, что личность можно описать всего лишь пятью факторами. Скорее данные пять измерений представляют личность на высоком уровне абстракции. Каждый из пяти факторов включает в себя большое количество более мелких конкретных характеристик [26].

Интерес к данной модели личности в международном научном сообществе растет. Так, если в 1990–1994 гг. количество публикаций, относящихся к этой теории, не достигало 500, то в 2004–2008 гг. их было больше 1500 [26].

Между пятью чертами стабильно обнаруживаются слабые и умеренные корреляции, что может указывать на то, что они не являются предельно общими. В связи с этим Digman, проанализировав 14 исследований, продемонстрировал наличие двух факторов высшего уровня [20]: α (включающий эмоциональную стабильность, доброжелательность и добросовестность) и β (включающий экстраверсию и открытость опыту). Эта модель позднее получила свое развитие в мо-

дели «пластичности/стабильности» [18, 19]. Стабильность (α) связана с устойчивостью в эмоциональной, социальной и мотивационной сфере: эмоциональная стабильность (обратная сторона нейротизма) отражает свободу от отрицательных аффектов, высокие показатели доброжелательности связаны с доверием, прямотой и альтруизмом, а добросовестность состоит из таких черт, как самодисциплина и аккуратность.

Пластичность (β) связана с гибкостью в когнитивной сфере и поведении: экстраверсия связана с позитивными эмоциями и социальной активностью, а открытость отражает потребность в новом опыте и когнитивную активность.

Изначально «Большая Пятёрка» была создана на английском языке, но при этом авторами подчёркивается универсальность данной модели для многих языков и культур, что подтверждается эмпирическими исследованиями [13, 27, 33, 38]. Методики диагностики личности в рамках данной модели переведены более чем на 40 языков, причём не только на индоевропейские, но и на языки других языковых семей. При этом во всех языках сохраняется структура свойств, что свидетельствует об универсальности модели для всего человеческого вида [1]. Валидность пятифакторной модели личности для российской выборки также продемонстрирована многочисленными исследованиями [2, 3, 4, 12].

Модель личности Айзенка, связь с «Большой Пятёркой»

Модель личности Айзенка, наряду с моделью Большой Пятёрки, является одной из самых авторитетных в рамках диспозиционального подхода [14, 39]. Обе теории предполагают наличие нескольких общих суперчерт. Айзенк выделял изначально две, а позже три суперчерты, которые, в свою очередь, состоят из нескольких черт, имеющих составные части — множество специфических реакций. Айзенк выделял интроверсию — экстраверсию и нейротизм — стабильность. Позже он обозначил такую суперчерту, как психотизм — сила Сверх-Я [9]. Известно, что ряд авторов, в частности МакКрей и Коста, настаивают на том, что экстраверсия и нейротизм в «Большой Пятёрке» соответствуют одноимённым чертам в модели Айзенка. Психотизм в модели Айзенка объясняет добросовестность и доброжелательность, а открытость опыту выходит за рамки модели Айзенка. При этом все пять черт, по мнению авторов, являются чертами одного уровня [23, 40]. Сам же Айзенк пишет о том, что черты «доб-

росовестность» и «доброжелательность» являются факторами низшего порядка по отношению к психотизму. То есть наиболее ортогональными факторами являются экстраверсия, нейротизм и психотизм [23].

Таким образом, существуют расхождения во взглядах на соотношение черт «психотизм», «доброе совестность», «доброжелательность» и «открытость опыту». При этом черты «экстраверсия» и «нейротизм» модели Айзенка и «Большой Пятёрки» большинством авторов понимаются как концептуально схожие, хотя не идентичные. При этом структура факторов в данных теориях различается [15].

Известно, что МакКрей и Коста обнаружили пятифакторную структуру на материале исследования личности Айзенка [34]. Таким образом, можно предположить наличие умеренных либо сильных корреляций между этими факторами.

Это подтверждается и в исследованиях, выполненных на русском языке. В частности, в исследовании Барановской было установлено наличие стабильной корреляции между шкалами эстраверсии разных методик на уровне не более $r = 0.78$. Корреляции по шкалам «нейротизм» разных моделей находятся в пределах от 0.48 до 0.69 [3].

Методы исследования структуры личности подростков

Отдельная область исследований — изучение личности в детском и подростковом возрасте. Одним из наиболее важных моментов в подобных исследованиях является выбор валидного и надёжного метода измерения. При исследовании личности детей, как правило, используются описания, которые дают родители или учителя. По данным Кохнстама с соавторами [28, 29], порядка 76–85 % свободных описаний родителями черт личности своих детей могут быть отнесены к «Большой Пятёрке».

Ряд методик диагностирует пятифакторную структуру личности подростков. Одним из наиболее часто используемых является «Иерархический личностный опросник для детей» («Hierarchical Personality Inventory for Children»; HiPIC [35]), используемый для детей и подростков от 5 до 17 лет [16]. HiPIC состоит из нескольких шкал: добросовестность (conscientiousness), доброжелательность (benevolence), экстраверсия (extraversion), эмоциональная стабильность (emotional stability) и воображение (imagination). Таким образом, шкалы HiPIC несколько отличаются от факторов «Большой Пятёрки», но в целом с ней совпадают.

Возможность применения стандартизированных самоотчётных тестов для диагностики личности подростков остаётся спорной. Неясно, понимают ли подростки вопросы, достаточно ли хорошо они понимают себя, чтобы ответить на данные вопросы [32]. В то же время эмпирические исследования подтверждают сильную взаимосвязь оценок учителей и родителей с данными самоотчётных тестов личности подростков, что указывает на достаточную валидность последних [37, 40]. В частности, валидность одной из наиболее используемых методик «Adolescent Personal Style Inventory» (APSI [31]) продемонстрирована целым рядом исследований [2, 5, 6, 11].

Шкалы APSI идентичны факторам «Большой Пятёрки». Показана высокая надёжность шкал APSI, а также их сильные корреляции с оценками личности подростков учителями, что свидетельствует о конвергентной валидности методики. На русский язык переведена и адаптирована методика диагностики черт личности детей и подростков согласно модели «Большой Пятёрки» — «Список индивидуальных особенностей ребенка» (СИОР) [5]. Данная методика состоит из 108 пунктов и может использоваться как для оценки детей и подростков родителями, так и как самоотчётный тест. Валидность и надёжность данной методики продемонстрирована рядом исследований [2, 5, 6, 11].

Многие исследования личности подростков проводятся с помощью методик, разработанных для взрослых (см., напр., [25, 30, 42]). Так, в одном из обзоров исследований взаимосвязи школьной успеваемости и черт личности [36] было показано, что APSI использовалась лишь в одном случае, а в остальных 19 исследованиях применялись «взрослые» методики.

Методы исследования пятифакторной структуры на русском языке

Впервые на русском языке таксономическую структуру личности получили Шмелёв и Похилько. Выделенная ими структура личности частично совпадала со структурой, полученной Голдбергом [41].

Подтверждение пятифакторной структуры личности на российской выборке долгое время осложнялось отсутствием методик. Одной из первых на русский язык была переведена и адаптирована А.Б. Хромовым японская версия «Большой Пятёрки» (Тсуйи) в 2000 г. При этом данная версия имеет свою специфичность. Она отличается от интерпретации структуры личности МакКрей и Костой (в рамках данной интерпретации структуры лич-

ности выделяются факторы экстраверсия – интроверсия, привязанность – отдалённость, контролирование – естественность, эмоциональность – эмоциональная сдержанность, игривость – практичность). Данная методика состоит из 75 пунктов, оцениваемых по 5-балльной шкале [8].

В 2004 г. была опубликована русская версия личностного опросника NEO-PI-R («Revised NEO Personality Inventory»). Данный опросник состоит из 240 пунктов, оцениваемых по 5-балльной шкале. Методика включает 5 шкал и 30 подшкал, т.е. по 6 на каждую шкалу. Она предназначена для диагностики взрослых психически здоровых людей [6].

Позже на русский язык была переведена и адаптирована ещё одна широко используемая в рамках исследований структуры личности методика — IPIP («International Personality Item Pool») Голдберга. Методика состоит из 100 пунктов, оцениваемых по 5-балльной шкале [4].

Кроме того, Ивановой и Шмелёвым была разработана оригинальная версия методики диагностики структуры личности, названная «B5sPlus». Данная методика состоит из 100 пунктов и включает в себя также шкалу социальной желательности [8].

Таким образом, на русском языке представлено сразу несколько методик, продемонстрировавших свою надёжность и валидность. Однако все они достаточно громоздки, что может затруднять процесс диагностики. В связи с этим так важен был перевод и адаптация на русский язык более компактной методики — BFI («Big Five Inventory»), состоящей из 44 пунктов, каждый из которых оценивается по 5-балльной шкале [9, 32].

Big Five Inventory при измерении черт личности подростков

BFI была разработана в конце 1980-х гг. в качестве компактного инструмента для диагностики пятифакторной структуры. BFI состоит из 44 коротких высказываний, описывающих личность. Надёжность и валидность BFI для выборки взрослых продемонстрирована рядом исследований [9, 31]. Данная методика особенно интересна тем, что находится в свободном доступе, а значит, широко применяется в оценках через Интернет. Подшкалы методики стабильно демонстрируют хорошую внутреннюю согласованность, а также конвергентную валидность, показывая сильные корреляции с соответствующими подшкалами методик Голдберга и NEO-FFI («NEO Five-Factor Inventory») [17].

В то же время BFI обладает существенным преимуществом перед другими методиками, а именно компактностью и краткостью. Исследователи зачастую ограничены во времени для проведения тестирования. В связи с этим особенно актуально наличие методики, которая, оставаясь валидной и надёжной, занимает немного времени. Кроме того, актуально создание компактного метода для исследований, проводимых через Интернет, а также в масштабных исследованиях, когда участник выполняет целую серию тестов, и во многих других случаях [22].

Ещё одним важным преимуществом краткой методики является устранение избыточности, т.е. возможность избежать усталости, скуки и разочарования испытуемых, а значит, получить более точные данные.

Несмотря на то что оригинальная версия BFI активно применяется на выборке подростков (см., напр., [25, 30, 41]), на данный момент нет исследований, показывающих валидность русскоязычной версии опросника для подростков. Таким образом, целью нашего исследования является апробация русскоязычной версии BFI на выборке подростков. Предварительно для адаптации BFI использовалась фокус-группа.

Для оценки конвергентной валидности BFI использовался подростковый вариант опросника черт личности Айзенка в адаптации Маталиной («Eysenck Personality Inventory»; цит. по: [10]). Предполагалось, что шкалы экстраверсии и нейротизма теста Айзенка будут умеренно коррелировать с соответствующими шкалами BFI. Кроме того, мы предполагали, что пять шкал BFI будут образовывать двухфакторную структуру, согласно модели «стабильности/пластичности» [18, 19], что будет свидетельствовать в пользу конструктивной валидности BFI.

Метод

В исследовании приняли участие 143 ученика 9–11 классов двух средних общеобразовательных школ г. Перми, среди них — 51,8 % девушек. Возраст испытуемых варьировался от 14 до 17 лет ($M = 15.2$, $SD = 0.7$). Участники заполняли методики в группах. Они привлекались к исследованию при условии положительного отношения и добровольного согласия.

Вопросники

Для анализа черт личности использовалась русскоязычная версия [12, 39] опросника «Big Five Inventory» (BFI [26]) в адаптации Щebetенко,

Вайнштейн [12, 38]. Кроме того, использовалась русскоязычная версия подросткового варианта теста личности Айзенка в адаптации Маталиной («Eysenck Personality Inventory», EPI [10]), измеряющего экстраверсию, нейротизм и социальную желательность.

Результаты

Фокус-группа

В фокус-группе приняли участие 10 подростков в возрасте от 14 до 17 лет ($M = 15.3$, $SD = 1.3$), в том числе пять девушек. На первом этапе экспертам предлагалось самостоятельно отметить по 7-балльной шкале, насколько понятен каждый пункт анкеты. После этого они отмечали по 7-балльной шкале, насколько каждый пункт можно соотносить с собой. На втором этапе обсуждались трудности, возникшие на первом этапе, а также предлагались альтернативные варианты.

Один пункт BFI – «работать основательно» получил менее 5 баллов в среднем по степени понятности. По результатам обсуждения с экспертами было решено заменить его на пункт «старателен в учебе». Все остальные пункты по степени понятности и возможности отнести к себе в среднем получили более 5 баллов. Средние значения по степени понятности по всем пунктам $M = 6.4$ ($SD = 0.5$), средние значения по всем пунктам по возможности отнести к себе $M = 6.5$ ($SD = 0.4$). Таким образом, пункты BFI могут быть понятны подросткам.

Внутренняя согласованность шкал BFI

Шкалы BFI показали приемлемый уровень внутренней согласованности: $\alpha = .72, .67, .75, .82, .73$ – для экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма и открытости опыту соответственно. Альфа Кронбаха также вычислялась для каждого пункта соответствующей шкалы при условии, что данный пункт удалён. Удаление любого из пунктов в каждой шкале не повышало уровень внутренней согласованности, в связи с чем ни один пункт не был удалён.

Шкалы экстраверсии и нейротизма в EPI показали высокую внутреннюю согласованность, $\alpha = .79$ и $.80$, соответственно. Шкала социальной желательности показала слабую внутреннюю согласованность, $\alpha = .53$.

Распределение подшкал

Мы проверили нормальность распределения по шкалам на выборке подростков с помощью кри-

терия Колмогорова-Смирнова. Данные по нормальности представлены в табл. 1.

Таблица 1. Нормальность распределения по шкалам методики BFI ($N = 143$).

Подшкалы BFI	Критерий Колмогорова-Смирнова	p
Нейротизм	0,885	0,414
Добросовестность	0,932	0,35
Доброжелательность	1,161	0,135
Открытость опыту	1,06	0,211
Экстраверсия	1,063	0,209

Таким образом, все подшкалы методики BFI имеют нормальное распределение для выборки подростков.

Конвергентная валидность

Для проверки конвергентной валидности методики BFI был проведён корреляционный анализ шкал методики BFI и подросткового варианта методики Айзенка. Данная методика содержит следующие шкалы: экстраверсия и нейротизм. Для оценки уровня корреляций применялся метод Пирсона. Шкалы нейротизма в EPI и BFI сильно коррелировали между собой: $r = .57$, $p \leq .001$, что свидетельствует об их конвергентной валидности. Шкалы экстраверсии в EPI и BFI сильно и положительно коррелировали между собой: $r = .58$, $p \leq .001$, что также свидетельствует об их конвергентной валидности.

Конструктивная валидность

Анализ главных компонент (вращение Варимакс) зафиксировал в BFI два фактора, объяснивших в совокупности 61 % дисперсии.

Таблица 2. Факторная структура подшкал BFI (метод главных компонент, вращение Варимакс)

Подшкалы BFI	Компонента	
	1	2
Нейротизм	-.78	.03
Добросовестность	.74	.13
Доброжелательность	.66	.30
Открытость опыту	.07	.83
Экстраверсия	.17	.79
Доля объясненной дисперсии, %	32.52	28.48

Отметим, что такая факторная структура согласуется с предсказаниями модели стабильности/пластичности [18; 19].

Обсуждение

Данное исследование было направлено на апробацию русскоязычной версии BFI на выборке подростков. Нами была проведена фокус-группа, по результатам которой было решено изменить один пункт опросника — «работает основательно» на пункт «старателен в учёбе», а также было установлено, что остальные пункты понятны подросткам и они могут отнести их к себе.

Подшкалы BFI показали приемлемый уровень внутренней согласованности. Все подшкалы методики свидетельствуют о нормальном распределении. Были получены сильные корреляции между тестами BFI и EPI по шкалам нейротизма и экстраверсии. Это указывает на конвергентную валидность BFI, по крайней мере, в части этих двух подшкал. Известно, что ряд авторов, в частности МакКрей, Коста и Айзенк, полагают, что экстраверсия и нейротизм в «Большой Пятёрке» соответствуют одноимённым чертам в модели Айзенка [14, 23, 34]. Кроме того, МакКрей и Коста обнаружили пятифакторную структуру на материале исследования личности Айзенка [14]. Это подтверждается и в исследованиях на русском языке. В частности, в исследовании Барановской [3] была установлена сильная корреляция между шкалами экстраверсии моделей «Большой Пятёрки» и Айзенка на уровне $r = .78$. Аналогичный результат был получен по шкалам нейротизма: $r = .69$. В нашем исследовании также обнаружены сильные корреляции между моделями Айзенка и «Большой Пятёрки» при измерении нейротизма и экстраверсии. Эти данные также согласуются с теоретическими положениями о концептуальной схожести черт моделей «Большой Пятёрки» и Айзенка.

Важным результатом является то, что вторичная факторная структура пунктов BFI соответствует модели «пластичности/стабильности» [18, 19, 20]. Ранее аналогичный результат был получен на выборке российских студентов [39]. Подтверждение теоретических положений о наличии двух факторов более высокого порядка свидетельствует о конструктивной валидности.

Таким образом, нами была ещё раз продемонстрирована достаточная валидность и надёжность русскоязычной версии BFI. Результаты исследования подтверждают возможность использования данного опросника на подростковой выборке, что

согласуется с обнаруженной в исследованиях тенденцией к использованию на выборке подростков «взрослых» методик (см., напр., [24, 30, 36, 42]).

Список литературы

1. Аллик Ю., Мыттус Р., Реало А. и др. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. Т. 1, № 1. С. 2–18.
2. Ахметова О.А., Сафронова М.В., Слободская Е.Р. Личностные факторы вовлеченности подростков в употребление психоактивных веществ: сравнительная информативность моделей Айзенка, Грея и Большой Пятёрки // Сибирский психологический журнал. 2006. Т. 2, № 24. С. 94–99.
3. Барановская М.С. Пятифакторная модель личности П. Коста и Р. Мак Крея и ее взаимосвязь с факторными теориями личности Г. Айзенка и Р. Кеттелла // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 4. С. 52–57.
4. Егорова М.С., Черткова Ю.Д. Полиморфизм гена моноаминоксидазы (МАОА) и вариативность психологических черт // Психологические исследования: электр. науч. журн. 2011. Т. 20, № 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.10.2012).
5. Князев Г.Г., Слободская Е.Р. Пятифакторная структура личности у детей и подростков (по данным родителей и самооценки) // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 6. С. 69–77.
6. Кузнецова В.Б., Слободская Е.Р. Опросник для изучения чувствительности к наказанию и вознаграждению у детей // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 2. С. 104–113.
7. Орел В.Е., Сенин И.Г. Личностный опросник NEO PI-R: Руководство по применению. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2004. 34 с.
8. Осин Е.Н., Рассказова Е.И., Неякина Ю.Ю. и др. Операционализация пятифакторной модели личностных черт на российской выборке // Психологическая диагностика. 2015. № 3. С. 80–104.
9. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования / пер. с англ. М.С. Жамкочьян; под ред. В.С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 2001. 607 с.
10. Реан А.А. Психология подростка. СПб.; М.: Прайм–ЕВРОЗНАК, 2003. 432 с.
11. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: учеб.-метод. пособие / Курган. гос. ун-т. Курган, 2000. 23 с.
12. Щebetenko С.А., Вайнштейн С.В. Об измере-

- нии черт личности посредством времени реакции (Ч. II: результаты исследования) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. Вып. 4. С. 52–72.
13. *Aluja A., García Ó., García L.F.* Relationships among extraversion, openness to experience, and sensation seeking // *Personality and Individual Differences*. 2003. Vol. 35(3). P. 671–680.
 14. *Costa P.T., McCrae R.R.* Reply to Eysenck // *Personality and Individual Differences*. 1992. Vol. 13(8). P. 861–865.
 15. *Chapman B.P., Weiss, A., Barrett P., Duberstein P.* Hierarchical structure of the Eysenck Personality Inventory in a large population sample: Goldberg's trait-tier mapping procedure // *Personality and individual differences*. 2013. Vol. 54(4). P. 479–484.
 16. *De Fruyt F., Mervielde I., Hoekstra H.A., Rolland J.-P.* Assessing adolescents' personality with the NEO-PI-R // *Assessment*. 2000. Vol. 7. P. 329–345.
 17. *Denissen J.J.A., Geenen R., van Aken M.A.G., et al.* Development and validation of a Dutch translation of the Big Five Inventory (BFI) // *Journal of personality assessment*. 2008. Vol. 90(2). P. 152–157.
 18. *DeYoung C.G., Peterson J.B., Higgins D.M.* Sources of openness/intellect: Cognitive and neuropsychological correlates of the fifth factor of personality // *Journal of personality*. 2005. Vol. 73(4). P. 825–858.
 19. *DeYoung C.G., Peterson J.B., Higgins D.M.* Higher-order factors of the Big Five predict conformity: Are there neuroses of health? // *Personality and Individual Differences*. 2002. Vol. 33(4). P. 533–552.
 20. *Digman J.M.* Higher-order factors of the Big Five // *Journal of personality and social psychology*. 1997. Vol. 73, № 6. P. 1246–1256.
 21. *Digman J.M., Inouye J.* Further specification of the five robust factors of personality // *Journal of personality and social psychology*. 1986. Vol. 50(1). P. 116–123.
 22. *Goldberg L.R.* Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons // *Review of personality and social psychology*. 1981. Vol. 2(1). P. 141–165.
 23. *Gosling S.D., Rentfrow P.J., Swann W.B.* A very brief measure of the Big-Five personality domains // *Journal of Research in personality*. 2003. Vol. 37(6). P. 504–528.
 24. *Eysenck H.J.* A reply to Costa and McCrae. P or A and C — the role of theory // *Personality and Individual Differences*. 1992. Vol. 13(8). P. 867–868.
 25. *Hair E.C., Graziano W.G.* Self esteem, personality and achievement in high school: a prospective longitudinal study in Texas // *Journal of personality*. 2003. Vol. 71(6). P. 971–994.
 26. *John O.P., Naumann L.P., Soto C.J.* Paradigm shift to the integrative big five trait taxonomy // *Handbook of personality: Theory and research*. 2008. Vol. 3. P. 114–158.
 27. *Kallasmaa T., Allik J., Realo A., McCrae R.R.* The Estonian version of the NEO-PI-R: An examination of universal and culture-specific aspects of the five-factor model // *European Journal of Personality*. 2000. Vol. 14(3). P. 265–278.
 28. *Kohnstamm G.A., Halverson C.F., Mervielde I., Havill V.L.* Parental descriptions of child personality: Developmental antecedents of the Big Five? L.; Mahwah, N.J.: Erlbaum, 1998. 232 p.
 29. *Kohnstamm G.A., Mervielde I., Besevegis E., Halverson C.F.* Tracing the Big Five in parents' free descriptions of their children // *European Journal of Personality*. 1995. Vol. 9(4). P. 283–304.
 30. *Langford P.H.* A one-minute measure of the Big Five? Evaluating and abridging Shafer's (1999a) Big Five markers // *Personality and Individual Differences*. 2003. Vol. 35(5). P. 1127–1140.
 31. *Lounsbury J.W., Tatum H., Gibson W., Park S., et al.* The development of a Big Five adolescent personality inventory // *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2003. Vol. 21(2). P. 111–133.
 32. *McCrae R.R., Costa P.T., Terracciano A., Parker W.D., et al.* Personality trait development from age 12 to age 18: Longitudinal, cross-sectional and cross-cultural analyses // *Journal of personality and social psychology*. 2002. Vol. 83(6). P. 1456–1468.
 33. *McCrae R.R., Costa P.T.* Personality trait structure as a human universal // *American psychologist*. 1997. Vol. 52(5). P. 509–516.
 34. *McCrae R.R., Costa P.T.* Comparison of EPI and psychoticism scales with measures of the five-factor model of personality // *Personality and individual Differences*. 1985. Vol. 6(5). P. 587–597.
 35. *Mervielde I., De Fruyt F.* Construction of the Hierarchical Personality Inventory for Children (HiPIC) // *Personality psychology in Europe. Proceedings of the Eight European Conference on Personality Psychology* / ed. by I. Mervielde, I. Deary, F. De Fruyt, F. Ostendorf. Tilburg: Tilburg University Press, 1999. P. 107–127.
 36. *Noflie E.E., Robins R.W.* Personality predictors of academic outcomes: big five correlates of GPA and SAT scores // *Journal of personality and social psychology*. 2007. Vol. 93(1). P. 116–130.
 37. *Parker W.D., Stumpf H.* A validation of the five-factor model of personality in academically talented youth across observers and instruments // *Personality and Individual Differences*. 1998. Vol. 25(6). P. 1005–1025.
 38. *Pulver A., Allik J., Pulkkinen L., Hämmäläinen M.* A Big Five personality inventory in two non Indo Eu-

ropean languages // *European Journal of Personality*. 1995. Vol. 9(2). P. 109–124.

39. Shchebetenko S.A. «The best man in the world»: Attitudes toward personality traits // *Психология: журн. Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11, № 3. С. 129–148.
40. Schmidt D.B., Lubinski D., Benbow C.P. Validity of assessing educational–vocational preference dimensions among intellectually talented 13-year-olds // *Journal of Counseling Psychology*. 1998. Vol. 45(4). P. 436–453.
41. Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I. A taxonomy-oriented study of Russian personality-trait names // *European Journal of Personality*. 1993. Vol. 7(1). P. 1–17.
42. Wolfe R.N., Johnson S.D. Personality as a predictor of college performance // *Educational and psychological measurement*. 1995. Vol. 55(2). P. 177–185.

Получено 27.09.2015

References

1. Allik J., Myttus R., Realo A., et al. [Construction of national character: personality traits attributed to typical Russian]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural and historical psychology]. 2009, vol. 1, no 1, pp. 2–18. (In Russian).
2. Akhmetova O.A., Safronova M.V., Slobodskaya E.R. [Personal factor of involvement of adolescents in psychedelic drug using: comparative informativity of Eysenck's, Grey's and Big Five models]. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* [Siberian journal of psychology]. 2006, vol. 2, no 2, pp. 94–99. (In Russian).
3. Baranovskaya M.S. [Five factors personality model of P. Costa and R. McCrae and its connection with H. Eysenck's and R. Cattell's factor personality theories]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2005, vol. 26, no 4, pp. 52–57. (In Russian).
4. Egorova M.S., Chertkova Yu.D. [Polymorphism of monoaminooxidase gene (MAOA) and psychological features variability]. *Psihologicheskie issledovaniya: elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Psychological researches: online scientific journal]. 2011, vol. 20, no 6. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 12.10.2012). (In Russian).
5. Knyazev G.G., Slobodskaya E.R. [Five factor personality structure of children and adolescents (according to parents and self-esteem)]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2005, vol. 26, no 6, pp. 69–77. (In Russian).
6. Kuznetsova V.B., Slobodskaya E.R. [Inventory for studying sensibility for punishment and praise among children]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2010, vol. 31, no 2, pp. 104–113. (In Russian).
7. Orel V.E., Senin I.G. *Lichnostnyj oprosnik NEO PI-R. Rukovodstvo po primeneniyu* [Personality inventory NEO PI-R. Application manual]. Yaroslavl', NPTS Psihodiagnostika Publ., 2004, 34 p. (In Russian).
8. Osin E.N., Rasskazova E.I., Neyaskina Yu.Yu., et al. [Operationalisation of five factor personality traits model on Russian sample]. *Zhurnal issledovanij sotsial'noj politiki* [Journal of social policy researches]. 2013, no 2, pp. 22–30. (In Russian).
9. Pervin L., John O. *Psihologiya lichnosti: Teoriya i issledovaniya* [Psychology of personality: Theories and researches]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2001, 607 p. (In Russian).
10. Rean A.A. *Psihologiya podrostka* [Adolescent's psychology]. Saint Petersburg, Moscow, Prajm-EVROZNAK Publ., 2003, 432 p. (In Russian).
11. Hromov A.B. *Pyatifaktornyj oprosnik lichnosti: Uchebno-metodicheskoe posobie* [Five factor personality inventory: Study guide]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2000, 23 p. (In Russian).
12. Shchebetenko S.A., Weinstein S.V. [On the measurement of personality traits by means of reaction times (Part II: Results of a study)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2010, no 4, pp. 52–72. (In Russian).
13. Aluja A., García Ó., García L.F. Relationships among extraversion, openness to experience, and sensation seeking. *Personality and Individual Differences*. 2003. Vol. 35(3). P. 671–680. (In English).
14. Costa P.T., McCrae R.R. Reply to Eysenck. *Personality and Individual Differences*. 1992. Vol. 13(8). P. 861–865. (In English).
15. Chapman B.P., Weiss, A., Barrett P., Duberstein P. Hierarchical structure of the Eysenck Personality Inventory in a large population sample: Goldberg's trait-tier mapping procedure. *Personality and individual differences*. 2013. Vol. 54(4). P. 479–484. (In English).
16. De Fruyt F., Mervielde I., Hoekstra H.A., Rolland J.-P. Assessing adolescents' personality with the NEO-PI-R. *Assessment*. 2000. Vol. 7. P. 329–345. (In English).
17. Denissen J.J.A., Geenen R., van Aken M.A.G., et al. Development and validation of a Dutch translation of the Big Five Inventory (BFI). *Journal of personality assessment*. 2008. Vol. 90(2). P. 152–157. (In English).
18. DeYoung C.G., Peterson J.B., Higgins D.M. Sources of openness/intellect: Cognitive and neuropsychological correlates of the fifth factor of personality // *Journal of personality*. 2005. Vol. 73(4). P. 825–858.

- (In English).
19. DeYoung C.G., Peterson J.B., Higgins D.M. Higher-order factors of the Big Five predict conformity: Are there neuroses of health? *Personality and Individual Differences*. 2002. Vol. 33(4). P. 533–552. (In English).
 20. Digman J.M. Higher-order factors of the Big Five. *Journal of personality and social psychology*. 1997. Vol. 73, № 6. P. 1246–1256. (In English).
 21. Digman J.M., Inouye J. Further specification of the five robust factors of personality. *Journal of personality and social psychology*. 1986. Vol. 50(1). P. 116–123. (In English).
 22. Goldberg L.R. Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons. *Review of personality and social psychology*. 1981. Vol. 2(1). P. 141–165. (In English).
 23. Gosling S.D., Rentfrow P.J., Swann W.B. A very brief measure of the Big-Five personality domains. *Journal of Research in personality*. 2003. Vol. 37(6). P. 504–528. (In English).
 24. Eysenck H.J. A reply to Costa and McCrae. P or A and C — the role of theory. *Personality and Individual Differences*. 1992. Vol. 13(8). P. 867–868. (In English).
 25. Hair E.C., Graziano W.G. Self esteem, personality and achievement in high school: a prospective longitudinal study in Texas. *Journal of personality*. 2003. Vol. 71(6). P. 971–994. (In English).
 26. John O.P., Naumann L.P., Soto C.J. Paradigm shift to the integrative big five trait taxonomy. *Handbook of personality: Theory and research*. 2008. Vol. 3. P. 114–158. (In English).
 27. Kallasmaa T., Allik J., Realo A., McCrae R.R. The Estonian version of the NEO-PI-R: An examination of universal and culture-specific aspects of the five-factor model. *European Journal of Personality*. 2000. Vol. 14(3). P. 265–278. (In English).
 28. Kohnstamm G.A., Halverson C.F., Mervielde I., Havill V.L. Parental descriptions of child personality: Developmental antecedents of the Big Five? L.; Mahwah, N.J.: Erlbaum, 1998. 232 p. (In English).
 29. Kohnstamm G.A., Mervielde I., Besevegis E., Halverson C.F. Tracing the Big Five in parents' free descriptions of their children. *European Journal of Personality*. 1995. Vol. 9(4). P. 283–304. (In English).
 30. Langford P.H. A one-minute measure of the Big Five? Evaluating and abridging Shafer's (1999a) Big Five markers // *Personality and Individual Differences*. 2003. Vol. 35(5). P. 1127–1140. (In English).
 31. Lounsbury J.W., Tatum H., Gibson W., Park S., et al. The development of a Big Five adolescent personality inventory. *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2003. Vol. 21(2). P. 111–133. (In English).
 32. McCrae R.R., Costa P.T., Terracciano A., Parker W.D., et al. Personality trait development from age 12 to age 18: Longitudinal, cross-sectional and cross-cultural analyses. *Journal of personality and social psychology*. 2002. Vol. 83(6). P. 1456–1468. (In English).
 33. McCrae R.R., Costa P.T. Personality trait structure as a human universal. *American psychologist*. 1997. Vol. 52(5). P. 509–516. (In English).
 34. McCrae R.R., Costa P.T. Comparison of EPI and psychoticism scales with measures of the five-factor model of personality. *Personality and individual Differences*. 1985. Vol. 6(5). P. 587–597. (In English).
 35. Mervielde I., De Fruyt F. Construction of the Hierarchical Personality Inventory for Children (HiPIC). *Personality psychology in Europe. Proceedings of the Eight European Conference on Personality Psychology* / ed. by I. Mervielde, I. Deary, F. De Fruyt, F. Ostendorf. Tilburg: Tilburg University Press, 1999. P. 107–127. (In English).
 36. Nofle E.E., Robins R.W. Personality predictors of academic outcomes: big five correlates of GPA and SAT scores. *Journal of personality and social psychology*. 2007. Vol. 93(1). P. 116–130. (In English).
 37. Parker W.D., Stumpf H. A validation of the five-factor model of personality in academically talented youth across observers and instruments. *Personality and Individual Differences*. 1998. Vol. 25(6). P. 1005–1025. (In English).
 38. Pulver A., Allik J., Pulkkinen L., Hämäläinen M. A Big Five personality inventory in two non Indo European languages. *European Journal of Personality*. 1995. Vol. 9(2). P. 109–124. (In English).
 39. Shchebetenko S.A. «The best man in the world»: Attitudes toward personality traits. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11, № 3. С. 129–148. (In English).
 40. Schmidt D.B., Lubinski D., Benbow C.P. Validity of assessing educational–vocational preference dimensions among intellectually talented 13-year-olds. *Journal of Counseling Psychology*. 1998. Vol. 45(4). P. 436–453. (In English).
 41. Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I. A taxonomy-oriented study of Russian personality-trait names. *European Journal of Personality*. 1993. Vol. 7(1). P. 1–17. (In English).
 42. Wolfe R.N., Johnson S.D. Personality as a predictor of college performance. *Educational and psychological measurement*. 1995. Vol. 55(2). P. 177–185. (In English).

The date of the manuscript receipt 27.09.2015

Об авторе

Мишкевич Арина Михайловна

аспирант кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: arina315@ya.ru

About the author

Mishkevich Arina Mikhailovna

PhD. Student of Department of Developmental
Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: arina315@ya.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мишкевич А.М. Об использовании русскоязычной версии Вопросника Большой Пятерки (Big Five Inventory) при изучении подростков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 92–101.

Please cite this article in English as:

Mishkevich A.M. Using the Russian version of the BFI in the study of adolescents // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 92–101.